

О дурных вкусах и чувстве ответственности

ЭТО БЫЛО в одном из театров Лондона. На сцене мелодраматический злодей обстоятельно, со вкусом инструктировал подручного, как задушить его, злодея, собственную жену: после ее смерти ему причиталось солидное наследство. Две руки тянутся из-за портьеры к горлу жертвы... Короткая борьба... Жертва проявляет недолговечную силу и закалывает преступника повернувшимися под руку ножницами. Зловредный муж не теряется. Он подстраивает ложные улики так, что они изобличают его жену в преднамеренном убийстве. Введенный в заблуждение, суд приговаривает ее к смертной казни через повешение. Но не дремлет проницательный сыщик, главный герой пьесы и спектакля. В последний момент злодей попадает в расставленные сыщиком сети. Несчастная жертва стольких злоключений спасена и даже вознаграждена — она падает в объятия добродетельного джентльмена с американским паспортом. Занавес.

В спектакле не было ни мысли, ни человеческих характеров, а язык, которым объяснялись персонажи, был серым и безликим. Как и сама пьеса, спектакль имел такое же отношение к искусству, как пещера троглодита к Вестминстерскому аббатству. Выйдя после спектакля на свежий воздух, я с удовольствием подумал о превосходстве советского театра над театром буржуазным: как бы там ни было, с облегчением сказал я себе, а у нас, в советском театре, это невозможно.

...И вот я сижу в театре имени Пушкина, на Тверском бульваре, в центре Москвы. В руках у меня программа, на которой значится: «Фредерик Нотт. Телефонный звонок»; на программе эмблема театра: миниатюрный портрет Александра Сергеевича Пушкина. Гаснет свет. На сцене мелодраматический злодей обстоятельно, со вкусом инструктирует подручного, как задушить его, злодея, собственную жену: после ее смерти ему причитается солидное наследство. Две руки тянутся из-за портьеры к горлу жертвы... И так далее (смотри выше).

После конца представления участники спектакля выходят раскланиваться и в

Борис ИЗАКОВ

свою очередь вызывают постановщика. Народный артист СССР В. Чирков, тот самый Борис Чирков, которого советский зритель некогда полюбил и запомнил по чудесным кинофильмам о Максиме, выходит на авансцену и с совершенно серьезным видом отвечает поклон за поклон: да, это его следует благодарить за то, что московский зритель наконец-то увидел «Телефонный звонок» Ф. Нотта.

А я сижу в зале и глазам своим не верю!

***

СОВЕТСКИЙ ЗРИТЕЛЬ проявляет законный интерес к постановкам современных зарубежных пьес. Не меньший интерес проявляет советский читатель к зарубежной художественной литературе. Круг интересов советского человека очень широк; он стремится к конкретному познанию жизни всех стран, условий существования всех народов, их национальных особенностей, их психологии.

— Вот и отлично! — скажут поклонники «Телефонного звонка». — Мы и хотим удовлетворить естественный интерес советского зрителя к зарубежной драматургии.

Дело, однако, обстоит не так просто. Нельзя допускать упрощенный, вульгаризаторский подход к этой задаче, потакать дурным вкусам и забывать о чувстве ответственности перед массовой аудиторией.

Мы живем в обстановке острой идеологической борьбы. Мировая реакция то и дело пытается перейти в наступление на идеологическом фронте. В этих условиях необходим тщательный идейно-эстетический анализ тех зарубежных произведений, с которыми мы собираемся знакомить советского зрителя и читателя: надо решительно отделить подлинные произведения высокого искусства от подделок, эрзацев, фальсификации. Мы должны суметь отобрать те произведения, которые могут служить для советского человека средством познания глубоких процессов жизни

зарубежных стран и духовного мира их людей из различных слоев общества. А для того чтобы быть в состоянии сделать такую работу, надо прежде всего отделиться от двух иллюзий.

Первая из этих иллюзий состоит в том, что всякий писатель, не принимавший прямого участия в реакционных выходах, есть уже, по сути дела, прогрессивный автор, а всякое произведение, действие которого разворачивается в среде простых людей, а не в буржуазном высшем свете, демократично. Наши критики подчас с большой легкостью, но без достаточных оснований раздают такие эпитеты, как «прогрессивный» и «демократический». А между тем бросаться этими высокими словами, право, не следует.

Вторая, довольно распространенная, иллюзия сводится к тому, что талант, масштаб дарования автора не имеют для нас решающего значения: случается же нам, дескать, публиковать «средние» произведения советской литературы, почему бы не подходить с такой меркой к произведениям литературы буржуазной? Дело, однако, в том, что именно сила таланта помогает писателю буржуазного общества подняться над окружающей действительностью и часто заставляет его говорить правду даже вопреки тем задачам, которые он сам себе ставит. Напротив, бесталанный ремесленник, как правило, только и делает, что тачает свои произведения на потребу капиталистическому заказчику.

Взять хотя бы одно из первых имен современной литературы США — Уильяма Фолкнера. Его художественные произведения вопиющим образом противоречат его политической позиции. В разгар борьбы негритянского населения американского Юга против сегрегации (расовой дискриминации) он выступил с призывом — оставить все по-старому; естественно, что его призыв вызвал возмущение не только самих негров, но и всех передовых людей США. Между тем многие произведения Фолкнера, посвященные американскому Югу, содержат горячий протест против угнетенного и бесправного положения

негров. Можно сказать, что художественное творчество Уильяма Фолкнера не только противостоит его политической позиции, но и прямо-таки подрывает ее.

Случается и так, что писатель, создавший значительное художественное произведение, в дальнейшем не находит в себе сил, чтобы остаться на высоте выраженных в нем принципов и идеалов, а то и просто отрывается от них. Мир, где властвует денежный мешок, знает много способов, как заставить писателя свернуть с прямого пути. Но всякое значительное, талантливое и правдивое произведение, будучи созданным, продолжает жить самостоятельной, независимой от автора жизнью; больше того, если он изменил своим принципам, оно спорит с ним и изобличает его измену. Вот почему мы сейчас продолжаем печатать и исполнять на сцене многие талантливые произведения тех писателей Запада, которые на крутом подъеме не удержались на своих позициях. Разумеется, я не говорю здесь о тех, кто окончательно замарал и втоптал в грязь свое доброе имя, как это сделал, например, автор известной пьесы «Золотой мальчик» Клиффорд Одетс, — как известно, он публично признался в том, что стал шпиоком Федерального бюро расследований и писал доносы на прогрессивных американцев. Негодяи, подобные Одетсу, вычеркивают себя из списков авторов, с трудами которых можно иметь дело; они ставят себя вне рядов культурного человечества.

Ну, а как быть с произведениями, которые нельзя отнести к подлинной литературе, к настоящему искусству? Как быть с подделками и эрзацами — с потоком бульварной литературы, отвратительных «комиксов», кинофильмов и спектаклей о злодеях и сыщиках? Социальное предназначение этих низкопробных изданий — одурманить людей, забить им голову вредной дребеденью, привить им жестокость и низменные инстинкты, моралью их искалечить. Ошибочно думать, что такого рода книги, пьесы и фильмы только пусты и никчемны, — они нам идеологически враждебны. Поток таких изделий является составной частью идеологического наступления буржуазии. Тут мы не имеем ни малейших оснований проявлять что-либо похожее на снисходительность.

В последние годы мы добились серьез-

ных успехов в развитии международных связей, в частности в области литературы и искусства. Советский читатель впервые познакомился с переводами произведений многих талантливых писателей США, Англии, Франции, Италии, ФРГ — Грама Грина, Генриха Бёлля, Альберто Моравиа, Уильяма Сарояна и других. После значительного перерыва наш читатель снова получил произведения Хемингуэя, Фейхтвангера, Ремарка, Стейнбека, Мориака. В планы наших издательств включены произведения Сомерсета Моэма, Фолкнера, Синклера Льюиса, Пристли, Лилиан Хеллман, Пратolini и многих других.

Мы не собираемся идти навстречу тем, кто за рубежом провоцирует нас на возврат к холодной войне, кто силится разорвать международные культурные связи. Напротив, мы будем и впредь стремиться к их укреплению и развитию. В частности, говоря о театральных делах, нельзя не отметить, что на афишах московских театров еще мало произведений крупнейших зарубежных драматургов современности. В Москве, например, совершенно не идут пьесы таких корифеев современной драматургии Запада, как Бертольд Брехт, Шон О'Кейси, Артур Миллер. Да разве этими именами исчерпывается список авторов художественно полноценных пьес!.. Добавим, что издательство «Искусство» неспроста затянуло выпуск давно запланированных сборников современной зарубежной драматургии (к слову сказать, содержание этих сборников нуждается в предварительном серьезном обсуждении).

Советское искусство законно унаследовало лучшие традиции русского и мирового искусства. Русское искусство, русская литература всегда были отмечены печатью высоких мыслей и идеалов, всегда отличались постановкой больших социальных и этических проблем. В этом заключались сила и национальное своеобразие русского искусства и русского театра. И этих позиций мы не вправе сдавать под напором переводной бульварщины.

***

ПРИХОДИТСЯ признать, что некоторые наши театры поддались на дешевую занимательность иных зарубежных пьес, открыли свою сцену для низкопроб-

ной и идеологически враждебной нам драматургической страны.

«Телефонный звонок» Ф. Нотта (в переводе Э. Медникова и А. Юровского) идет не только в Москве. Он играется и в Ленинграде, в Театре комедии, и в ряде периферийных театров.

Центральный театр транспорта расклеил на улицах столицы анонс о премьере пьесы Агаты Кристи «Свидетель обвинения» (перевод П. Мелковой); эту же пьесу репетирует один из ленинградских театров. Агата Кристи — автор великого множества детективных романов, наводняющих книжный рынок США и Англии. Ее пьеса того же пошиба, что и «Телефонный звонок».

...Вначале было убийство. Зарезана симпатичная дама. Подозрения падают на симпатичного молодого человека, ветерана войны против германского фашизма, — незадолго до убийства дама завещала ему свое состояние. Происходит суд. Свидетели дают противоречивые показания. Неожиданно жена подсудимого, вызванная в качестве свидетельницы, бросает мужу обвинение в том, что убийство совершил он. Сенсация. В тот же вечер некая девица приходит к адвокату и вручает ему письма, уличающие жену подсудимого в лжесвидетельстве. Суд оправдывает симпатичного молодого человека, а лжесвидетельнице грозит тюрьма. Казалось бы, все кончено, пора поставить точку. Ан нет. В финале выясняется, что симпатичный молодой человек, ветеран войны, все-таки убил старушку. Трюк его супруги — это она сама принесла адвокату подложные письма — был рассчитан на то, чтобы привлечь внимание судей. Она готова отсидеть в тюрьме положенный ей за лжесвидетельство срок, рассчитывая впоследствии попользоваться вместе с мужем его добычей — наследством. Но тут обнаруживается, что у симпатичного молодого человека есть на примете другая женщина. Обманутая жена, не сходя с места, убивает убийцу.

Итак, в пьесе «Свидетель обвинения» происходят два убийства: одно вначале (Окончание на 4-й стр.)